

Феофан Прокопович.

История о избрании и восшествии на престол... императрицы Анны Иоанновны

Оригинал здесь -- http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?ob_no=14501&cat_ob_no=

История о избрании и восшествии на престол блаженныя и вечнодостойныя памяти государыни императрицы Анны Ивановны, самодержицы всероссийской

Бервик-и-Лириа, Якоб. Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла короля испанского. 1727--1730 годов / Пер. с фр. Д.И. Языкова. -- СПб.: в Гутенберговой тип., 1845. Приложение. С. 186--217;

Преставился Петр второй 1730 года генваря 18 дня, во втором часу по полуночи, по учиненном ему (как в греческой церкви обычно) от трех архиереев елеосвящении, меньше часа; и пребыли архиереи в палатах до кончины его; были там же Верховного Совета члены, тако ж и из Сената и генералитета не малое число.

И тогда князь Василий Владимирович Долгорукий именем прочих просил архиереев помешкать немного, внушая, что там же скоро имеет быть советование о избрании государя нового; но скоро потом возвратясь к ним, сказал, что Верховному Совету заблагорассудилось, к надходящему дню, и в палатах Верховного Совета быть всех чинов собранию в десятом часу по полуночи, куда и они архиереи изволили бы прибыть сами, и других, как архиереев, так и архимандритов, с собою привели, понеже сии были синодальные. И тако архиереи всяк во своя отошли.

Но уже в самом сем поступке некая была хитрость; ибо по отшествии архиереев, верховники {Члены Верховного Тайного Совета.} и другие начальники там же остались. И долго разглагольствование было о наследнике государя, с немалым разгласием.

Князь Алексей Григорьевич Долгорукий, невесты новопреставльшегося государя родитель, дочери своей скиптра домогался, которой его дерзости, яко весьма нечаянной, многие удивились. Но он властолюбием ослепленный, не устыдился показать и некое письмо, яко бы Петра II завет, прежде кончины своей от него написанный, которым будто бы он державы своей наследие невесте Екатерине укрепил. Дивное всем стало князь Алексея бесстыдие (кроме одних, чаю, свойственников его) и на требование, яко весьма непристойное и смеха достойное, никто не посмотрел, понеже отнюдь не могло быть вероятно, дабы учинил то государь до болезни своей, отрок, крепким составом цветущий и толь сильное имеющий здравие, что многолетнего весьма жития надежду подавало: как же бы он мог и подумать о близкой своей смерти, не то, чтобы пещися и промыслять, чему быть по кончине своей? А когда пришла ему болезнь (которая не более дванадцати дней удручая его, умертвила), во все то время делали ему потешку скорого к первому здравью возвращения: не то, чтоб ему о будущей смерти повешать, хотя бы и подлинно ведано, что ему прочее живу не быть.

По отвержении же того домогательства, требовало других господ мнения.

Разные были голоса, однако же вне фамилии государя не выходили.

Некто приговаривал и за бабкою Петра II, недавно из заточения освобожденною; но сие прочие судили яко непристойное и происшедшее от человека, корыстей своих ищущего, самым молчанием притушили.

А когда произнеслось имя Анны, вдовы Курляндской герцогини, дщери Иоанна царя, большого Петру I брата, купно с ним до кончины царствовавшего, между Екатериною и Параскевиею средния сестры, тотчас чудное всех явилось согласие, которому спорить не посмели и оные, коим завладенная и, по мнению их, неотъемлемая уже в руках была высочайшая власть, а тогда от них уходила.

О перемене формы или образа царствования, чего нецые из оных господ и прежде сего желали и желания утаить в себе не могли (как уже ясно о том покажется), в сем же тогда собрании, хотя не при всех, но по выходе оттуда многих прочих, говорено, и что о том умышленно, ниже сего известно будет.

Когда день настал и великое всех штатов множество в Верховный Совет собралось, куда и синодальные и другие прочие архиереи и архимандриты прибыли, и великий канцлер вслух предложил, что Верховный Совет Курляндской герцогине царевне Анне Российской корону должно быть усматривает; но требует и всех, всего отечества лице на себя являющих чинов согласие; тотчас все в един голос изволение свое показали, и не единого не было, который бы хотя мало задумался. Первый же